

Не в деньгах счастье

С 1981 года World Values Survey под руководством профессора Мичиганского университета Рональда Инглхарта измеряет уровень счастья и субъективного благополучия людей около 100 стран. Россия в этом списке занимает место одной из самых несчастных стран. Исследование российского счастья в России проводится в Лаборатории сравнительных социальных исследований .

Согласно рейтингу Качества жизни от 2011 года, который ежегодно публикует ООН, Россия занимает 83 срединное место. Лидирует в нем Исландия, замыкает список 137 стран Сомали. В сравнительном рейтинге ВВП стран от 2010 года, у России 71 место из 228 возможных. Тем не менее, индекс ее благополучия уступает даже латиноамериканским странам, гораздо более бедным. В чем причины?

Безусловно, взаимосвязь между доходами человека и его ощущением счастья существует. Но до определенного предела. При некоем минимуме, сравнимом с ВВП на душу населения Португалии, рост доходов граждан уже не так влияет на рост индекса счастья. По сути, это связано с пирамидой Абрахама Маслоу, разделяющей потребности человека на разные уровни. Есть базовые потребности, такие как воздух, питье и вода, но когда они удовлетворены, человеку для счастья нужно удовлетворить потребности более высокого уровня. Его душа хочет взаимопонимания, возможности контролировать собственную жизнь, творческую самореализации, политических свобод и так далее. Невозможность удовлетворения этих потребностей снижает его ощущение счастья.

В перечне причин обуславливающих или понижающих субъективное благополучие жителей нашей страны, следует учесть трансформацию сознания в результате крушения социалистической системы. Жители тех стран, в которых социализм поспешно и болезненно свернули, отличаются тем, что на каждый заработанный рубль они недополучают счастья. Исключением из посткоммунистических стран стали Китай и Вьетнам, в которых переход на капиталистические рельсы был не столь резким, и к тому же сопровождался ростом уровня жизни населения.

Чем отличаются представители латиноамериканских стран от жителей посткоммунистических держав? Большинство из них гордится своими странами, в то время как в России и Украине таких значительно меньше. Кроме того, латиноамериканцы – люди религиозные; их традиционная религия, католицизм, никогда не подвергалась такому давлению, как у нас православие. Прав был Маркс, говоривший, что религия есть опиум для народа; религия утешает три четверти жителей Южной Америки и только небольшое количество россиян. Мы такие же атеисты, как и шведы, но при этом уровень жизни у них и у нас совершенно разный, и нашу социальную защищенность со шведской не сравнить.

Религия для латиноамериканцев является к тому же доминирующей идеологией, которая придает им смысл жизни, определяет их систему ценностей, ориентиры, которые были утеряны людьми из бывших социалистических стран. Положение России в этой ситуации наиболее тяжелое, потому что, скажем, венгры или поляки могут сказать: «Это вы, русские, во всем виноваты», мы в России так сказать не можем, у нас сохраняется чувство, что мы как-то сильно опростоволосились со своей верой в коммунизм.

Как и шведы, мы атомизированы. Семейные связи вокруг россиянина постепенно разрушаются, все больше детей рождается вне брака. Значительное число людей живут в одиночестве. В Швеции схожая ситуация, но социальная помощь, инфраструктура поддержки одиноких родителей там настолько развиты, что деньги не является определяющим компонентом в отношениях между мужчиной и женщиной. В Латинской Америке отсутствие социальной защиты женщины компенсируется тем, что институт брака по-прежнему силен.

Эдуард Понарин, профессор НИУ ВШЭ, заведующий Лабораторией сравнительных социальных исследований